

Данилова М. Б.

Сургут, Россия

**ФРЕЙМ «ПРОИСХОЖДЕНИЕ» В СЦЕНАРИИ
«АВТОБИОГРАФИЯ ЖЕНЩИНЫ-ПОЛИТИКА»**

УДК 811.161.1

ББК Ш 100.3

Аннотация. В статье рассматривается возможность структурирования автобиографического текста в виде когнитивного сценария. Цель данной статьи – на материале мемуаров И.Хакамады «Особенности национального политика» представить автобиографию женщины-политика в виде сценарной структуры и в частности рассмотреть фрейм «происхождение», лежащий в основе данного сценария.

Ключевые слова: сценарий, фрейм, автобиография.

Сведения об авторе: Данилова Мария Борисовна, аспирант.

Место работы: Сургутский государственный университет.

Контактная информация: 628400, Тюменская обл., г. Сургут, ул. Энергетиков, д. 14, Сургутский государственный университет, факультет лингвистики.

E-mail: lost4ever@yandex.ru.

Изучение автобиографических текстов с позиции когнитивной лингвистики привлекает к себе внимание многих современных исследователей, поскольку позволяет раскрыть механизмы осмысления и моделирования действительности посредством языка. Автобиография, представляющая собой ретроспективное изображение автором событий собственной жизни, имеет определенную универсальную структуру и может быть представлена в виде сценария – когнитивной структуры динамического характера, предполагающей последовательную смену этапов, эпизодов [Болдырев 2000: 37]. В свою очередь, эти этапы, очевидно, могут быть представлены в виде структуры для декларативного представления знаний о типизированной ситуации, иными словами, в виде фреймов. По мысли М. Минского, «сценарий вырабатывается в результате интерпретации текста, когда ключевые слова и идеи текста создают тематические («сценарные») структуры, извлекаемые из памяти на основе стандартных, стереотипных значений» [Минский 1979: 181].

Таким образом, сценарий «автобиография женщины-политика» можно рассматривать как совокупность фреймов, которые, в свою очередь представляют собой разветвленную структуру слотов и подслотов. Одним из ключевых фреймов в сценарии «автобиография женщины-политика» является фрейм «происхождение», структуру которого можно представить как задающую набор слотов, объективирующих следующие типовые признаки происхождения человека:

- «происхождение: национальный аспект».
- «происхождение: социальный аспект».
- «происхождение: региональный аспект».

Danilova M. B.

Surgut, Russia

**FRAME “BACKGROUND” IN THE SCENARIO
“AUTOBIOGRAPHY OF A WOMAN-POLITICIAN”**

GCHNTI 16.21.27

Код ВАК 10.02.01

Abstract. The present paper deals with the problem of modeling an autobiography by means of such cognitive structure as scenario. The aim of this article is to present the autobiography of a woman-politician as a cognitive scenario, and particularly to introduce the frame “Background” based on the autobiography “The peculiarities of a national politician” by I. Khakamada.

Key words: scenario, frame, autobiography.

About the author: Danilova Mariya Borisovna, post-graduate student.

Place of employment: Surgut State University.

- «происхождение: семейный аспект».

1) Слот «происхождение: национальный аспект». Говоря о своей национальной принадлежности, И. Хакамада, в первую очередь, указывает на внешние атрибуты, характеризующие ее как представителя японской нации. Уже в самом начале своего повествования И. Хакамада заявляет, что для успешной политической деятельности ее «внешний облик совсем не подходит...» (Хакамада 2002: 7. Далее только номер страницы), тем самым обозначая первостепенную значимость для любого политика внешних данных. Здесь автор проявляется себя, в первую очередь, как человек от политики, для которого собственная внешность важна, в первую очередь, с точки зрения ее пригодности для достижения успеха на политическом поприще: «Чтобы иметь успех на выборах, надо явно нести в себе русское начало» (7).

К внешним характеристикам также можно отнести типично японскую фамилию автора: «Фамилия принадлежит старому самурайскому роду, помнящему себя с незапамятных времен, с самой глубокой древности» (5). В данном отрывке И. Хакамада подчеркивает уникальность своей фамилии, акцентируя свою принадлежность не просто к японской нации, но к старинному самурайскому роду. Однако в России И. Хакамада из-за своей фамилии сталкивалась с многочисленными трудностями на всех этапах своего жизненного пути:

«В детстве я воспринимала свою фамилию как тяжелый груз» (5); «Я мечтала работать в ТАССе. Но уже в момент распределения выяснилось, что со своей фамилией я никуда не прохожу» (6); «А вот фамилию можно сменить, и это нужно сделать

обязательно. Иначе ни о какой победе не может быть и речи» (7).

И вновь, рассуждая о своем происхождении, И. Хакамада предстает, в первую очередь, как политический деятель, для которого японская фамилия является препятствием на пути к успеху в российской политике. Однако И. Хакамада, несмотря на все трудности, сумела сделать так, чтобы ее фамилия не просто не помешала ей добиться успеха, а, напротив, способствовала этому: «...моя фамилия снова меня выручает. Уж если люди ее выучивают, то больше не забывают. В иные периоды моя известность намного превышает мой вес в реальной политике. Кому-то я нравлюсь, кому-то нет, но меня никогда, ни с кем не путают» (8). Таким образом, фамилия предстает не просто как атрибут, а как знак, символ успеха и избранности.

Свои японские корни И. Хакамада связывает также с различными внутренними качествами. Например, такое качество как обязательность является, по ее мнению, типично японской чертой: «Приливы настоящего родственного узнавания слушаются, когда я сталкиваюсь с японской обязательностью во всем» (30). Обращая внимание читателя на свою обязательность, автор предстает как человек слова: «До тех пор, пока нет полной уверенности, я никому ничего не обещаю. Даже по мелочам, даже когда очень полезно было бы блефнуть – я не умею. Это чисто японская черта» (30).

Еще одно качество, свойственное японской ментальности, дисциплинированность, также находит свое отражение в характере И. Хакамады:

«Я выполняла все, на сто процентов» (13); «Я никогда не поеду на красный свет, не превышу установленную скорость, даже если дорога пуста и ни одного милиционера в поле видимости. Партисобрания ненавидела до трясучки, но не пропустила ни одного. За всю достаточно долгую преподавательскую жизнь не сорвала ни одной лекции, ни одного семинара, не опоздала ни на минуту» (12).

Таким образом, выстраивается образ профессионального и дисциплинированного работника. В то же время данное качество, столь ценное в японской культуре, не всегда приживается в России: «При этом нельзя сказать, что такой был общий стиль. Большинство преподавателей, мужчины, естественно, не стеснялись ни опаздывать, ни звонить на кафедру с просьбой о срочной замене» (12-13). В данном примере можно наблюдать двойную оппозицию: И. Хакамада не просто противопоставляет себя основной массе преподавателей, но и позиционирует себя как женщина, которая, в отличие от мужчин, всегда выполняет свои обязанности. Таким образом, гендерный фактор также находит свое отражение в автобиографии.

Русское происхождение И. Хакамады проявляется, прежде всего, в общении с окружающими людьми: «Контакты устанавливаю очень быстро, легко отвечаю на любые вопросы – ну просто душа нараспашку» (15). В данном примере использование фразеологического оборота, а также позитивно окрашенных наречий «быстро» и «легко», направлено на формирование положительного образа автора – человека искреннего и легкого в общении. Такие черты несомненно свойственны русскому человеку.

Свои русские корни И. Хакамада связывает с женской линией:

«Главным человеком в семье мне представляется моя прабабушка Евдокия Антиповна. В ней было удивительное сочетание душевной силы, самоотверженности и безграничной доброты, от которой и мне перепало немножко» (184); «...то, что досталось от русской бабушки: женственность, влюбчивость, мягкость» (14); «Вероятно, интуиция у меня от мамы, ... своей интуиции я доверяю полностью» (17).

И. Хакамада указывает именно на те качества, которые в русской культуре ассоциируются исключительно с женским началом: интуиция, мягкость, самоотверженность, влюбчивость, женственность, доброта.

Лексическое наполнение слога «происхождение: национальный аспект», позволяет говорить о том, что качества, присущие И. Хакамаде как политическому деятелю, связаны с ее японским происхождением, а черты, характеризующие ее как женщину – с русскими корнями. Таким образом, Ирина Хакамада предстает перед читателем как женщина-политик, причем ни одна из этих ипостасей не является доминантной.

2) Слот «происхождение: социальный аспект». По своему социальному происхождению И.Хакамада является выходцем из интеллигентского сословия. В пользу этого факта свидетельствует как деятельность родителей И. Хакамады (ее отец был видным политическим деятелем, эмигрировавшим в СССР по политическим мотивам, а мать преподавала русский язык), так и прямые ссылки на это в тексте:

«Так уж мы были воспитаны, ...в среде российских интеллигентов» (87); «Сначала, как водится в нашем интеллигентском сословии, был долгий период разговоров...» (83).

Интеллигенция, в том понимании, в котором она существовала в советские времена, была классом без особых привилегий: «Все стандартные пути попадания в советскую политическую элиту были для них закрыты» (82). И. Хакамада подчеркивает, что ее социальное происхождение на начальном этапе мешало ее политической карьере: «...я вдруг двинулась в

политику, куда такие, как я, не идут – с улицы, без связей, без номенклатурной истории родителей, без средств» (75). Будучи выходцем из среды интеллигентов, И. Хакамада с самого начала имела мало шансов на успешную политическую карьеру.

В рассуждениях автора можно проследить, как постепенно происходит разрыв во взглядах И. Хакамады и представителей современной интеллигенции: «Интеллигенция, которая всегда считала себя совестью нации, ее нравственным барометром, которая претендует на это и поныне, в очередной раз показала, что она, может быть, и желает, но не умеет ничего организовывать» (215). В данном примере показана несостоительность взглядов интеллигенции. Здесь отчетливо прослеживается коммуникативный посыл, в котором автор абстрагируется от тех людей, о которых идет речь: И. Хакамада уже не отождествляет себя с интеллигенцией, а говорит о ней в третьем лице.

И. Хакамада отходит от привычного понимания интеллигента как человека, чужого материальных благ и признающего только духовные ценности: «Хорошо презирать то, что имеется у тебя в достатке, и совсем другое дело – вставать выше того, в чем хронически испытываешь нужду» (87). Так, характеризуя современную российскую интеллигенцию, И. Хакамада отмечает ее слабые стороны: «И интеллигенция ведет себя точно так же, как и все остальные сословия, не делающие фетиша из своей высокой духовности» (215). По мнению автора, интеллигенция перестает отличаться от остальных социальных слоев общества, поскольку теряет ту духовность, которой должна обладать по определению.

Итак, И. Хакамада, будучи выходцем из среды интеллигентов, постепенно теряет с ней связь и начинает смотреть на нее под другим углом зрения, отмечая, что духовные ценности постепенно сменяются материальными нуждами.

3) Слот «происхождение: региональный аспект». И. Хакамада родилась в Москве, однако в своих мемуарах она не уделяет этому факту никакого внимания, а место своего рождения понимает в широком смысле – как СССР. Описывая Советский Союз, И.Хакамада говорит преимущественно о людях, которым довелось жить в то время, причисляя, естественно, к таким и себе: «Помню себя с детства, тем более – во взрослом состоянии. Абсолютно советский, т.е. забытый ребенок, абсолютно советский закомплексованный человек» (12). Несмотря на то, что Советский Союз был огромной и сильной державой, уровень жизни советских людей был очень низким: «...это было в логике той эпохи... По общим ее законам полагалось не жить, а влакивать существование» (42); «Пусть зарплата нищенская, но

зато одинаковая у всех...» (53). При этом здесь не просто акцентируется бедность простых людей, а подчеркивается, что такое положение было скорее правилом, чем исключением.

Отношение Советского Союза к своим гражданам очень лаконично выражено в следующем примере: «Само собой разумелось: не государство для нас, а мы для государства» (182). В этой фразе заключена вся суть идеологии СССР в понимании автора, а именно второстепенное значение людей по отношению к государству. И конечно, в связи с этим возникает вопрос, ради чего государство приносит в жертву благосостояние своих граждан: «...не жалеть «человеческого материала» ради важной цели» (159). Так, в советские времена человек служил лишь «материалом», средством для достижения важной цели государственно масштаба. И.Хакамада не скрывает своего крайне негативного отношения к такой политике; она подвергает критике даже такое неоспоримое достижения СССР, как полет в космос: «Слетаем в космос – и пусть все хоть с голоду перемрут... Идеи величия страны, которому можно принести в жертву все» (193). Автором ставятся под сомнение достижения страны, завоеванные ценой человеческих бедствий.

В целом, Советский Союз представлен в тексте автобиографии, с одной стороны, как сильное государство, а с другой, как инструмент подавления своих граждан:

«Когда общество так долго находилось в рабстве...» (84); «...ассоциируется с режимом, который их унижал и угнетал, с репрессиями, с кровью невинных жертв» (205); «...империя, которая всех давила...» (166); «...после полного удушья брежневских времен, после чудовищной лжи и демагогии...» (239-240).

Таким образом, Советский Союз, в котором И. Хакамада родилась и провела значительную часть своей жизни, рассматривается сквозь призму отношения государства к своим гражданам. Так, отношение И. Хакамады к политике, проводимой в СССР, можно определить как резко негативное, что, несомненно, свойственно ей и как политику, который придерживается либеральных взглядов.

4) Слот «происхождение: семейный аспект». Описание своих семейных корней И. Хакамада начинает с истории непростых взаимоотношений своих родителей: «Невозможно представить себе двух таких разных, ни в чем не похожих, буквально несовместимых людей, как мои родители» (19). При этом И. Хакамада подчеркивает, что у ее родителей были не просто расхождения во мнении, как это часто бывает, а диаметрально противоположные взгляды на жизнь: «Семья у нас была очень странная. Родители жили каждый в своем мире... Слишком уж они были разные»

(20). Тот факт, что родители мало общались, не мог никак не отразиться на жизни внутри семьи, и, в первую очередь, на ребенке: «*Нормальное чувство: вот мои родители, они со мной, я могу на них опереться – полностью отсутствовало. Я сама решала все свои проблемы: в какую школу перейти, чему обучаться, куда поступать*» (25). Такие отношения в семье не являются естественными, родители, по мнению И. Хакамады, должны быть рядом, всячески помогать своим детям, быть им опорой по жизни.

Описывая своих родителей, И. Хакамада в основном рассказывает о своем отце, много внимания уделяя описанию того, как он вел себя в кругу семьи:

«*Отец умел полностью отгораживаться от всех. Он уединялся в своей комнате, и его как бы и не было*» (21); «*Мне в тот мир, который отец создал для себя, хода не было. Не помню, чтобы он меня приласкал*» (23).

Отец предстает перед читателем в образе человека, который не слишком приветлив и ласков со своими детьми, скорее это чужой человек, который просто живет по соседству.

Однако, несмотря ни на что, И. Хакамада неоднократно повторяет, что отец вызывал в ней сильнейшее уважение: «*Случалось, я обижалась на него, злилась, но это были эпизоды, а всегдашим, постоянным было сильнейшее, неосознанное, инстинктивное уважение. Он был для меня как Бог, недоступный, непознаваемый, поражавший своими поступками*» (24). В данном примере И. Хакамада неоднократно подчеркивает, что это уважение к отцу существовало на подсознательном уровне, это было «неосознанное», «инстинктивное» чувство, которое зачастую противоречило логике. И. Хакамада даже сравнивает отца с Богом, что свидетельствует о том, что это было скорее чувство, лежавшее за гранью разума.

Описанию своих взаимоотношений с матерью И. Хакамада уделяет значительно меньше внимания: «*Маме тоже было не до меня, хотя по-человечески она была полной противоположностью отцу. Добрейшее существо, сверхэмоциональное, любящее. Но все ее душевные силы уходили на другое. На борьбу за существование – и на переживание отцовской измены*» (25). И. Хакамада описывает мать, противопоставляя ее отцу по всем аспектам, как «полную противоположность отцу». И если мать предстает перед читателем «любящим» и «добрейшим» человеком, то отец был совсем другим.

Так, лексическое наполнение слова «происхождение: семейный аспект» свидетельствует о том, что на становление личности И. Хакамады, главным образом, повлияли ее родители и, в первую очередь, отец, который, несмотря на всю его холодность, оставил неизгладимые воспоминания в памяти И. Хакамады.

Таким образом, проанализировав фрейм «происхождение», можно сделать вывод о том, насколько важно, что она по национальности является наполовину японкой, наполовину русской; по социальному происхождению – выходцем из интеллигенции, местом своего рождения называет СССР, а ее семейные корни характеризуются, главным образом, взаимоотношениями с отцом. Все эти характеристики, несомненно, оказали значительное влияние на формирование личности И. Хакамады и ее политических убеждений.

ЛИТЕРАТУРА

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2000. 320 с.

Минский М. Фреймы для представления знаний: Пер с англ. / Под ред. Ф.М. Кулакова. – М.: Энергия, 1979. 151 с.

Хакамада И.М. Особенности национального политика. – М: ОЛМА-ПРЕСС: Авантикул, 2002. 256 с.

© Данилова М. Б., 2009